

А.С.Гусенков

БОРЬБА С ХУЛИГАНСТВОМ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*Гуманитарный институт НовГУ*

The work concentrates upon the types of hooliganism that existed at the beginning of the XX century, main origins of hooliganism and reasons for hooliganism spreading, as well as methods of combating hooliganism. Besides, the work contains an analysis of proposals concerning measures aimed to struggle with hooliganism that came from policemen of various districts of Novgorod Region.

В начале XX в. в Российской империи уделялось особое внимание такому виду преступления как «хулиганство». Это явление обратило на себя внимание сначала печати, а затем отдельных представителей административной и судебной властей и, наконец, центральных органов правительства. Так, 18 июля 1912 г. Министерство внутренних дел своим циркуляром предложило губернаторам доставить по целому ряду вопросов сведения, проливающие свет как на сами правонарушения, признаваемые хулиганскими, так и на обстановку, в которой они совершаются, степень распространенности этого явления, причины и ход его развития, меры, принимаемые местными учреждениями и самим населением для защиты от посягательств хулиганского характера и для их искоренения. Кроме того, при недостаточности таких мер было предложено указать «те способы, которые, по мнению людей, желательны и возможно применять для достижения успеха в этом деле» [1]. Это обращение всколыхнуло общественное мнение, вызвало целый ряд статей в печати и послужило поводом к оживленным прениям в земских собраниях. Но поскольку хулиганство замечалось далеко не во всех местностях империи, то и соответствующие доклады были внесены не во все земские собрания, а потому и отзывы поступили в МВД лишь от 11 губернских и 113 уездных земских собраний.

В отличие от других губерний, где вопрос хулиганства не имел особой остроты и губернаторы которых ограничились предоставлением менее подробных сведений и заключений, в Новгородской губернии напротив были проведены достаточно обширные исследования по данному предмету, основанные на тщательном и всестороннем его изучении. Вопрос о мерах борьбы с хулиганством обсуждался в губернском присутствии, иногда при участии особо приглашенных лиц.

Все собранные таким образом материалы были переданы на рассмотрение «особого междуправительственного совещания, образованного при Министерстве внутренних дел, под председательством занимавшего в то время должность товарища министра сенатора А.И.Лыкошина» [2]. В состав этого совещания помимо представителей МВД входили члены от Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства юстиции, Военного министерства, Министерства финансов, Министерства народного просвещения, ведомства православного исповедания и комитета попечительства о трудовой помощи. Заседания данного совещания проходили шесть раз в марте и апреле 1914 г.

В наименее злостных формах хулиганские выходы ограничивались с неуместными и грубыми шутками и развлечениями, такими, например, как протягивание веревки через дорогу, чтобы прохожие спотыкались и падали. Иногда эти «шутки» превращались в глумление, издевательство и оскорбление, а уличные развлечения — в разгул и бесчинство. Характерными проявлениями хулиганских деяний были: «сквернословие, доходящее до крайних пределов цинизма», «хождение по улицам толпою с гармониками, криком, шумом и песнями неприличного содержания, стрельбой», «приставание к прохожим, особенно к духовенству, должностным и интеллигентным лицам для того, чтобы оскорбить и выразить им, вызывающим с ними обращением, пренебрежением и неуважением, а также к женщинам с целью оскорбить их бесстыдными словами и телодвижениями» [3]. Уличные бесчинства выражались в бросании камней, палок, комьев грязи или снега в поезда, автомобили, экипажи и велосипеды, а также в различных способах повреждения и заграждения железнодорожного полотна или проезжей части дороги.

Наряду с этим присутствовали также различные акты посягательства на имущество со стороны хулиганов, а также проявление насилия в отношении слабых и беззащитных, причинение мучений животным. К этой категории относились случаи повреждения в ночное время садовых и огородных насаждений, разрушение дорожных сооружений, мостов и перил, телеграфных и телефонных столбов, загрязнение нечистотами питьевой воды в колодцах, опрокидывание ульев, прорубание дна лодок и, наконец, изнасилования, поджоги, грабежи, ножевые расправы. Иногда регистрировались также деяния кошунственного характера — как, например, курение в церкви, закуривание папиросы от лампы перед иконой.

На большей части Новгородской губернии хулиганство было развито среди людей в возрасте от 16 до 30 лет. Наличие профессиональных хулиганов было отмечено в Старорусском и Окуловском уездах [4].

Проанализировав меры по борьбе с хулиганством, предлагаемые земскими начальниками полиции уездов Новгородской губернии, их можно разделить на просветительно-культурные и репрессивные. Кроме того, поскольку главной причиной развития хулиганства повсеместно называлось пьянство, прекращение последнего тем или иным способом помогло бы и борьбе с хулиганством.

В отношении собственно ограничения пьянства указывалось на сильное развитие тайной продажи

вина и на целый ряд мер, с помощью которых можно было бы бороться с шинкарством. Так, предлагалось установить более бдительный надзор полиции за тайной продажей вина в селениях, а лиц, виновных в этом, подвергать строжайшему наказанию «в административном порядке, положив в основание для их обвинения приговоры сельских сходов, свидетельские показания лиц, знающих про торговлю того или другого шинкаря, хотя бы и не покупавших у него вина» [5]. Следовало также сократить число винных лавок, вплоть до закрытия их вообще в негородских поселениях.

Кроме того, был предложен ряд мер, направленных на борьбу со склонностью населения к злоупотреблению алкоголем: образование обществ и кружков трезвости, устройство попечительств о народной трезвости и передача их в ведение земств, распространение сведений о вреде алкоголизма в школах, устройство соответствующих чтений, издание книг и брошюр для библиотек. По мнению некоторых, «запрещение бесед, поседок и собраний, разгула и танцев, без предварительного заявления сельской или полицейской власти с обязательством владельца помещения быть ответственным лицом за порядок и трезвость» [6] существенно облегчило бы борьбу и с пьянством и с хулиганством.

С целью поднятия общего культурного уровня деревни были предложены некоторые просветительско-культурные мероприятия. К их числу были отнесены: введение «всеобщего обязательного обучения на уровне 4 классов городского училища» [7]; развитие профессионального образования и устройство чтений по сельскому хозяйству, в частности вечерних курсов и бесед; устройство детских садов и площадок, ученических экскурсий, праздников древонасаждения; учреждение народных домов, которые служили бы развлечением и были бы центром систематического распространения внешкольного образования — общего и ремесленно-технического; пользование для указанных целей «туманными картинками», кинематографом; устройство библиотек, читален; развитие гимнастики и других видов спорта, в частности обучение в школах военному строю, устройство в праздничные дни смотров и состязаний; наконец, беспрепятственное образование кружков и обществ, создаваемых как для полезных целей, так и для простого развлечения, привлечения населения к общественной деятельности и заполнения их досуга, особенно обществ покровительства животных и птиц, пожарных, сельскохозяйственных, трезвости, самообразования и других.

С такого рода предложениями близко соприкасаются также меры экономического характера, а именно: обучение ремеслам, в частности путем устройства учебных мастерских, в результате чего развивались бы кустарные промыслы; агрономическая помощь населению, устройство кооперативов и обществ взаимопомощи; учреждение земских и крестьянских касс мелкого кредита.

Особая роль в нравственном воспитании населения отводилась духовенству. По мнению земских начальников Старорусского уезда, «желательно было

бы, чтобы духовенство и народные учителя устраивали в праздничные дни чтения с волшебным фонарем» [8]. Устюженские земские начальники предлагали, чтобы духовенство «во время разгула с крестом убеждало население не допускать проявления хулиганства» [9].

Важнейшим из направленных к предупреждению развития хулиганства мероприятий общеполцейского и административного характера была, прежде всего, общая реформа полиции, а также волостной и сельской администрации, в частности замен десятиских наемными сотскими, подчиненными уездной полиции. Для усиления надзора рекомендовалось учреждение ночных караулов и обходов и наем сторожей, подчинявшихся земским начальникам и уездной полиции, а также объезд сел в праздничные дни конными полицейскими стражниками и установление надзора за поведением рабочих на фабриках и заводах. Из общих мер полицейского характера указывались защита населения от вредной литературы, выдача паспортов несовершеннолетним лишь с разрешения родителей, допущение прошения милости лишь при условии выдачи волостным правлением соответствующего разрешительного свидетельства, запрещение стоянок цыганских таборов. Параллельно с этим намечалось сократить число местных праздников и запретить организацию базаров в воскресные и праздничные дни. Земский начальник 2-го участка Боровичского уезда считал нужным «воспретить деревенские продолжительные праздники, шатания по улицам с песнями после 10 вечера» [10]. Из Валдая поступили предложения о том, что необходимо «закрывать накануне праздников винные лавки, трактиры, как и в праздники» [11]; устюженские полицейские полагали возможным «ограничить пивные праздники одним днем» [12]. Также на время праздников предлагалось командировать полицию для усиления надзора за правопорядком. Кроме того, из Боровичского уезда поступили предложения о том, чтобы на местных праздниках полиция иногда «устраивала бы внезапные обыски парней, и те лица, у которых найдено будет оружие, подвергались бы в административном порядке взысканиям» [13]. Полицейские чины Демянского, Новгородского и Кирилловского уездов признавали целесообразным «расселить полицейскую стражу с таким расчетом, чтобы на каждого участкового конного стражника приходился участок с 4-8 деревнями, в зависимости от географического положения и густоты их населения» [14]. Некоторые выступали за организацию «ответственного караула от населения за недопущения безобразий и хулиганства», а в случае неисполнения им своих функций и наличия фактов хулиганства — взыскание с населения данного общества, участка или района денежной компенсации [15].

В некоторых уездах Новгородской губернии земские начальники отмечали большое влияние на развитие хулиганства лиц, высланных из Москвы и Санкт-Петербурга [16]. В этой связи земский начальник 4-го участка Валдайского уезда отмечал, что «совершенно следует уничтожить приток в среду местного населения всех родов административно выслан-

ных» [17]. В свою очередь земский начальник одного из участков Устюженского уезда считал, что нужно установить выселение хулиганов с родины административным порядком без участия общества. А чины полиции Старорусского уезда предлагали «изъятие из общества хулиганствующих порочных людей, так как опустившегося человека не устрашат никакие репрессии» [18].

Не отрицая необходимости воспитательных и просветительных мер, некоторые самыми важными все же считали меры репрессивные. Такого мнения, например, придерживался земский начальник 2-го участка Старорусского уезда, считавший, что «самой действенной мерой борьбы с хулиганством является быстрая и строгая репрессия» [19].

Предлагалось издать особый закон о хулиганстве и увеличить наказания за целый ряд преступных деяний, таких, например, как нанесение легких ран, появление в публичных местах с оружием в руках, уличные драки и нарушение общественной тишины. Если часть первая статьи 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривала ответственность «за ссоры, драки, кулачный бой, или другого рода буйство в публичных местах, и вообще за нарушение общественной тишины» в виде ареста на срок не свыше семи дней или денежное взыскание не свыше двадцати пяти рублей [20], то земские начальники некоторых участков Боровичского, Новгородского, Валдайского, Череповецкого, Устюженского, Демянского уездов настаивали на том, чтобы увеличить срок тюремного заключения как минимум до трех месяцев [21]. Кроме того, было предложено увеличить срок ареста за правонарушения, предусмотренные статьей 31 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, т. е. «за оскорбление полицейских или других стражей, служителей судебных и правительственных мест, а ровно полевых и лесных сторожей, во время отправления ими должности» [22] в случае «словесной обиды» — аресту на срок до трех месяцев, а в случае «обиды действием» — до шести месяцев [23]. За «появление в публичном месте пьяным до беспамятства, или в безобразном от опьянения виде» (статья 42) [24], а также за «самоуправство, а равно за употребление насилия, однако без нанесения тяжких побоев, ран, или увечья» (статья 142) [25] устюженскими земскими начальниками предлагалось увеличить срок ареста.

Многие полицейские считали необходимым сделать более суровым тюремный режим — для того, чтобы наказание «тюрьмою приобрело более репрессивный характер» [26]. В то же время некоторые земства предлагали тюремное заключение заменить общественными работами или заключением в работных домах. Там же, в работных домах, предлагалось содержать и рецидивистов. По мнению полицейских чинов Устюженского уезда, «арест хулиганов без применения к ним работы приучает их к лени и является как бы отдыхом от домашнего труда» [27]. Так, по соглашению с губернским земством, при чудовском (Новгородского уезда) арестантском помещении, предназначенном для лиц, подвергнутых аресту в административном порядке, были введены работы

по выделке огнеупорных строительных материалов. При этом лица, отбывающие административное наказание за нарушение обязательных постановлений, подавали губернатору прошение о допущении их к таким работам. В тех случаях, когда разрешение на это было получено, они ежедневно отводились в земскую мастерскую, где делали черепицу и пустотелые кирпичи. Если их работа признавалась удовлетворительной, то срок назначенного им ареста сокращался из расчета один день работы за два дня ареста [28].

Помимо прочего предлагалось применять к хулиганам и телесные наказания, хотя отношение к ним было неоднозначным. Некоторые считали, что его следует применять только за повторные правонарушения или к лицам от 15 до 18 лет. А вот земский начальник Устюженского уезда был уверен, что «установление наказания розгами почти совершенно уничтожило бы хулиганство, так как девки считали бы за срам выходить замуж за «поротого» парня» [29].

Почти все земства высказались за упрощение порядка рассмотрения дел, касающихся хулиганства, в том числе, например, сокращение срока обжалования приговоров, учреждение института полицейских судей, введение судебных приказов, рассмотрение дел о хулиганстве вне очереди. Полицейские чины Демянского уезда считали возможным возбуждать дела о «нанесении ран и вообще хулиганских» в порядке публичного обвинения [30].

Предлагалось установить уголовную и гражданскую ответственность родителей, воспитателей и старших членов семьи за проступки и хулиганские действия несовершеннолетних. Такие предложения поступили из Череповца с утверждением, что привлечение к ответственности таких родителей и родственников «представляют меры борьбы с хулиганством, меры эти необходимо комплектовать в одно целое звено, опубликовать неоднократно среди населения и строго их придерживаться без всяких отступлений и поблажек со стороны администрации, полиции и суда» [31].

Кроме того, был поднят вопрос о наказуемости явного попустительства при совершении хулиганских проступков. По мнению отдельных земств, хулиганство получило такое широкое распространение, что «является справедливым возложить известную ответственность на каждого, кто, имея полную возможность воспрепятствовать какой-либо хулиганской выходке, не только не сделал этого, но заведомым бездействием оказал потворство ей, и кто, таким образом, если не может быть уличен в соучастии в хулиганстве, несомненно, является виновным в заведомом допущении его, что побудило бы и само общество к более активной борьбе с уличными бесчинствами и праздношатанием» [32].

Таким образом, мы видим, что в начале XX века в Новгородской губернии проблема борьбы с хулиганством стояла достаточно остро, и тема борьбы с ним волновала всю без исключения губернскую полицию. Большинство предложений земских начальников полиции обсуждались в губернском присутствии, после чего были направлены в Министерство внутренних дел. Опыт борьбы с хулиганством и предложения от Новго-

родской губернии сыграли одну из ключевых ролей в работе межведомственного собрания по вопросу о мерах борьбы с хулиганством, образованному при Министерстве внутренних дел.

1. Лучинский Н.Ф. Преступное озорство или хулиганство // Вестник полиции. 1915. №6. С.177.
2. Там же. С.178.
3. Там же.
4. Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф.143. Оп.2. Д.206. Л.3.
5. Там же. Д.209. Л.11.
6. Там же. Л.9.
7. Там же. Л.4.
8. Там же. Л.3.
9. Там же. Л.7.
10. Там же. Л.1.
11. Там же. Л.4.
12. Там же. Л.8.

13. Там же. Л.2.
14. Там же. Л.11.
15. Там же. Л.8, 9.
16. Там же. Л.2, 4, 5.
17. Там же. Л.1.
18. Там же. Л.10.
19. Там же. Л.11.
20. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Типография II-го отделения собственной Е.И.В. Канцелярии. СПб. 1867. С.29.
21. ГИАНО. Ф.143. Оп.2. Д.209. Л.1-4, 6-8, 10.
22. Устав о наказаниях... С.26-27.
23. ГИАНО. Ф.143. Оп.2. Д.209. Л.6.
24. Устав о наказаниях... С.30.
25. Там же. С.58.
26. Лучинский Н.Ф. Указ. соч. С.209.
27. ГИАНО. Ф.143. Оп.2. Д.209. Л.9.
28. Лучинский Н.Ф. Указ. соч. С.277.
29. ГИАНО. Ф.143. Оп.2. Д.209. Л.9.
30. Там же. Л.1.
31. Там же. Л.2.
32. Лучинский Н.Ф. Указ. соч. С.241.